

УДК 94(575):340.141

**О ВВЕДЕНИИ ПРАКТИКИ ВЫБОРНОСТИ
НАРОДНЫХ СУДЕЙ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА
(1865–1917 гг.) (ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассматривается проблема избрания народных судей в кочевых сообществах Туркестана. Отмечается, что принцип выборности биев, введенный царской властью, был сопряжен с ожесточенной борьбой между родоплеменными кланами и “партиями”.

Ключевые слова: Туркестан; родоплеменная рознь; выборы; народные судьи-бии; царизм; борьба кланов и “партий”; “обычное” судопроизводство; кыргызы; казахи.

**ABOUT IMPLEMENTATION OF ELECTIVITY PRINCIPLE IN RESPECT
OF PEOPLE’S JUDGES OF THE TURKESTAN NOMADIC POPULATION INTO PRACTICE
(1865–1917) (ON THE BASIS OF ARCHIVE, JURIDICAL AND OTHER MATERIALS)**

A.L. Saliev

The problem of election of people’s judges in the nomadic communities of Turkestan is considered in the article. It is highlighted that the implemented by the Tsarist authority principle of biy electivity was connected with a fierce struggle between tribal clans and “parties”.

Key words: Turkestan; tribal hatred; elections; people’s judges-biys; Tsarism; struggle between clans and “parties”; “customary” juridical proceedings; the Kyrgyz; the Kazakhs.

История кочевого мира Туркестана свидетельствует о том, что народные судьи – бии, в известной мере, избирались самими номадами. Однако такое избрание имело мало сходства с тем, что мы понимаем под выборностью, которой посвящено данное исследование. Если быть точнее, то под избранием биев следует понимать их выдвижение самими людьми, признававшими наличие у претендентов соответствующих качеств для того, чтобы быть судьями. Кыргызстанский политолог В. Богатырев пишет о том, что кочевники-кыргызы всегда жили в условиях “общинной демократии”, у них не было рабовладения и феодализма (т. е. частной собственности на землю). В связи с этим у них была военная автократия и кочевая демократия. По его мнению, именно поэтому “кыргызский менталитет генетически несет в себе демократические начала”¹. Все

¹ *Богатырев В.* Кыргызская Республика. Внешняя политика после обретения независимости и формирование нового внутривнутриполитического пространства / В. Богатырев // Центральная Азия: собственный взгляд: сб. статей. Бишкек, 2006. С. 175.

это так, однако не следует забывать, что вначале в кочевых сообществах Центральной Азии имело место сочетание административной и судебной власти в одних руках – родоначальника, именовавшегося “бием”. И это можно отнести к общим закономерностям всемирно-исторического процесса, так как в истории многих народов мира наблюдалось подобное сочетание двух властей. Более того, нередко обладатель административной и судебной власти выступал также и как верховный жрец, что можно проиллюстрировать, например, образцами устройства управления городов Древней Месопотамии.

Мы полагаем, что отделение административной власти от судебной произошло в период интенсификации разложения патриархального (родоплеменного) строя у кочевых народов Туркестана, что явилось следствием имущественной (классовой) дифференциации в их среде. В результате сформировалась кочевая аристократия (родоплеменная элита), сосредоточившая в своих руках административную власть, пожертвовавшая при этом своими былыми судебными прерогативами, но, безусловно, влиявшая своим авторитетом на избрание биев. Вот

почему мы в начале этой статьи писали об “известной мере” участия народа в избрании (вернее, выдвижении) судей. Некоторые из исследователей полагают, что до присоединения к России в кочевых сообществах Центральной Азии все административные и судебные должности занимались исключительно представителями родоплеменной верхушки. Так, например, известный кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов пишет о том, что “с введением выборности в управление был разрушен институт наследственной преемственности власти, ранее осуществляемый исключительно биями-манапами. Управление, проводимое по российским законам, поставило заслон неорганизованности и произволу как верхних, так и местных эшелонов традиционной власти”¹. Понятно, что он здесь имеет в виду и судебную сферу как одну из “ветвей” власти. Соглашаясь с мнением О.Дж. Осмонова, мы, тем не менее, не склонны преувеличивать засилье “биев-манапов” в деле управления и судопроизводства. Многовековые традиции родоплеменной демократии в кочевых сообществах Центральной Азии учитывались и кочевой аристократией – мнение народа ей было небезразлично для сохранения и упрочения своего влияния. Поэтому следует признать, что кочевые “трудящиеся массы”, как было принято писать в советское время, оказывали ощутимое воздействие на процесс выдвижения биев. Вместе с тем, можно констатировать и тот факт, что до присоединения Средней Азии к России кочевые сообщества региона не знали принципа выборности судей.

Известно, что в первой половине XIX в. Кокандское ханство смогло захватить обширные территории Кыргызстана и Южного Казахстана. Завоеватели пытались внедрить среди покоренных кочевых сообществ принцип назначения судей-биев властями, но не имели успеха. Номады не только не признавали кокандских “назначенцев” всякого рода, но и постоянно восставали против ига ханов из узбекской династии Минг. Принцип назначения “управленцев”, в том числе и судей, был установлен и царизмом в первое время, после присоединения Средней Азии к России. Непосредственно сразу же после взятия Ташкента, 6 августа 1865 г. император Александр II утвердил “Временное положение об управлении Туркестанской областью”². На осно-

вании статьи 31-й этого акта, военный губернатор Туркестанской области получил право назначать на должности и смещать с них “киргизских родоправителей, биев, манапов, сартовских аксакалов, райсов и кази”³. Однако реакция кочевников Центральной Азии на такую практику царской администрации носила иной, нежели при кокандских властях, характер. Почему? Известный российский туркестановед, проф. П.П. Литвинов отмечает: “15 августа 1865 г. Черняев писал в Петербург своему соратнику Полторацкому: “Я утверждаю *избранных народом* лиц не только на обыкновенные должности, но и на духовные места. Так, недавно улемы привели ко мне *избранного* ими на должность ахуна (род нашего архиерея) и просили дать ему свидетельство, что он утвержден мной”⁴ (курс. наш – А.С.). Разгадка позитивного отношения номадов к ставленникам царской власти кроется в словах, выделенных нами курсивом – царский наместник в Туркестанской области назначал на разные должности не тех, кто был выгоден новой и пока чуждой для них власти, а тех, кого они до этого сами избирали. Согласно статье 35-й “Туркестанского положения” 1865 г. военный губернатор области получил специальные полномочия в части надзора за деятельностью судов кочевого населения, которыми он не злоупотреблял, в связи с чем оно было вполне удовлетворено действиями новой власти на этом направлении. Возможно, принцип назначения народных судей царской властью со временем смог бы прижиться среди коренного населения Туркестана и оно свыклось бы с ним так же, как это было в среднеазиатских ханствах, где судьи изначально назначались высшей государственной властью. Но ситуация сложилась иначе.

Не следует забывать, что с начала 1860-х гг. Россия переживала время “великих реформ” императора Александра II, которые носили комплексный характер и осуществлялись на фоне известной демократизации институтов государства и общества в посткрепостнический период. Важнейшей составной частью указанных преобразований явилась судебная реформа 1864 г., пожалуй, наиболее демократическая в цепи себе подобных. Поэтому неудивительно, что “Степная комиссия”, состоявшая из наиболее видных знатоков “среднеазиатского вопроса” и готовившая в 1866–1867 гг. проект нового “Туркестанского положения”, признала необходимым элементы демократизации в судостроительстве и судопроизводстве коренного населения Центральной Азии. Как отмечалось выше, это вполне соот-

¹ Осмонов О.Дж. История Кыргызстана. (С древнейших времен до наших дней): учебник для высших учебных заведений / О.Дж. Осмонов. Бишкек, 2008. С. 305.

² Высочайше утвержденное “Временное Положение об управлении Туркестанской области”. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 год. СПб., 1867. С. 876–881.

³ Там же. С. 880.

⁴ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917: По архивным материалам / П.П. Литвинов. Елец, 1998. С. 53.

ветствовало демократическим традициям, издавна присутствующим кочевым сообществам региона.

Проект “Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях”, представленный “Степной комиссией” в 1867 г. на рассмотрение царского правительства, был “забаллотирован” последним из-за несогласия с ним министерств юстиции и финансов. П.П. Литвинов не исключает “того, что Проект 1867 г. был искусственно “провален” в правительстве, поскольку на недавно присоединенных к империи территориях Средней Азии, мало изученных и освоенных, трудно было управлять по законодательно ограниченному в правовом пространстве, жесткому в своих установлениях нормативному акту, тем более, в единственном регионе страны, население которого на 99,9 % было в то время мусульманским. Нужна была некая административная “болванка”, которая бы давала военной администрации Туркестанского края ... возможность административной импровизации, содержащей значительный рефлекторный потенциал быстрой и адекватной реакции на явления, которые не могли быть предусмотрены законодателем”¹. С ним можно согласиться, так как буквально 4 июля 1867 г. по личному распоряжению царя Проект был издан и запущен “в оборот”². Не будучи формально утвержден законодателем, он, тем не менее, прослужил в качестве своеобразной “конституции” края почти два десятилетия, пока с 1 января 1887 г. не вступило в действие новое “Туркестанское положение”, утвержденное императором Александром III 12 июня 1886 г.³ Отсутствие у этого документа законодательного статуса было только на руку военной администрации Туркестана, позволяя ей принимать многие нестандартные решения по неожиданно возникающим проблемам. Естественно, что при этом судебная сфера жизни кочевого населения региона не была исключением.

Проект 1867 г. устанавливал принцип выборности народных судей кочевого населения – биев (§ 181), от 4 до 8 таковых на каждую волость (§ 182), в зависимости от числа кибиток в ней (§ 184). В § 183 указывалось, что “выборы биев производятся одновременно с выбором волостных управите-

лей, одними и теми же избирателями, на тот же срок и тем же порядком”⁴. Согласно § 96 Проекта, волостные управители избирались сроком на 3 года⁵. Значит, и срок службы избранных биев был таким же. В соответствии с § 186, избранные бии должны были утверждаться в должности военными губернаторами областей Туркестанского края⁶. В 1868 г. было “высочайше” утверждено новое “Степное положение”⁷. В нем фактически полностью были продублированы те положения о выборности кочевых судей-биев, что и в Проекте “Туркестанского положения” 1868 г.⁸ Это освобождает нас от необходимости повторять то, что изложено несколько выше. В обоих “положениях” устанавливался и единый возрастной ценз для избрания в бии – 25 лет. Как отмечалось выше, в 1886 г. было утверждено новое “Положение об управлении Туркестанским краем”. Оно содержало известные новации в сфере судостроительства и судопроизводства коренного населения региона. Во-первых, “Туркестанское положение” 1886 г. уже не разделяло суды “адатные” (кочевого населения) и шариатские (оседлого такового). Они были объединены в главе 3-й под названием: “Народный суд”. Соответственно в законодательном акте исчезли термины “бий” и “казий”. Во-вторых, оно вводило в народных судах края прокурорский надзор. В-третьих, “положением” вводился суд посредников. Были и иные малозначительные нововведения. Однако принцип выборности народных судей, порядок их избрания (вместе с волостными управителями), утверждения в должности, возрастной ценз для претендентов на судебские должности и т. п. остались неизменными. Вместе с тем, в выборах народных судей появилась новая и весьма существенная деталь. Статья 225-я “Туркестанского положения” гласила: “На каждую должность судьи выбираются два кандидата. Утверждение одного из них в должности судьи, а другого кандидатом

⁴ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 29.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ См.: Именной, данный Сенату – “О преобразовании управления Киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими казачьими войсками”. 21 октября 1868 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 2. 1868 год. СПб., 1873. № 46380; “Степное положение” 1868 г. полностью называлось: “Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях” – прим. авт.

⁸ См.: Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. СПб., 1868. §§ 135–138.

¹ Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе “военно-административного” управления Русским Туркестаном: по архивным, правовым и иным источникам / П.П. Литвинов. Елец: Изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 54–55.

² См.: Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867.

³ См.: Высочайше утвержденное “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886 год. СПб., 1888. № 3814. С. 318–344.

к нему зависит от губернатора, который, в случае неутверждения означенных лиц, назначает новые выборы”¹. Безусловно, во-первых, это вносило немалую интригу в предвыборную борьбу за судейские должности, о которой подробнее будет сказано ниже. Во-вторых, царская администрация получала возможность из двух избранных лиц назначить на должность судьи наиболее приемлемого для нее претендента. Наконец, в-третьих, это избавляло ее от организации новых выборов в случае смерти народного судьи, поскольку указанная статья предусматривала, что в такой ситуации “в исправление его должности вступает, с разрешения губернатора, кандидат в судьи”² (курс. наш – А.С.). Можно утверждать, что “Туркестанское положение” 1886 г. в значительной мере усилило позиции царской власти по отношению к народным судам коренного населения региона. В марте 1891 г. было утверждено и новое “Степное положение”³. Оно еще в большей степени, нежели его аналог 1868 г., копировало туркестанские “образцы”. Впрочем, законодатель этого не скрывал, заявляя в статье 101-й о том, что “судебные, нотариальные и опекунские установления и народный суд в областях: Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской образуются и действуют на основании правил о судебном устройстве в Туркестанском крае”⁴

¹ Высочайше утвержденное “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886 год. СПб., 1888. № 3814. С. 336.

² Там же.

³ Полностью называлось: “Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской” // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 11. Отд. 1. 1891 год. СПб., 1894. № 7574. С. 133–147.

⁴ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – “Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской”. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 11. Отд. 1. 1891 год. СПб., 1894. № 7574. С. 142.

(курс. наш – А.С.). Вместе с тем, статья предусматривала некоторые “изменения и дополнения” к указанным “правилам”, содержащимся в статьях 102–118 “Положения” 1891 г. Но из них к выборам народных судей относилось лишь одно установление: относительно возрастного ценза для претендентов в народные судьи. Если в Туркестанском крае допускалось избрание любого 25-летнего кандидата в судьи, то в “степных” областях желающие стать судьями должны иметь 35 лет от роду. Но статья 113-я “Степного положения” 1891 г., определявшая этот возрастной “потолок”, устанавливала, что “лица, окончившие курс в одном из русских учебных заведений, допускаются к избранию по достижении двадцатипятилетнего возраста”⁵ (курс. наш – А.С.).

Таким образом, все туркестанские и “степные” правительственные “положения” периода 1867–1891 гг. последовательно утверждали принцип выборности народных судей. Характерно, что все такого рода правовые акты неизменно содержали в себе указание на невмешательство не только царских, но и волостных властей в процесс выборов биев. Однако есть все основания полагать, что такое вмешательство имело место, причем, достаточно нередко. Но с сугубо юридической точки зрения, оно было нарушением воли законодателя, за что могло последовать привлечение к ответственности, которое, как правило, не применялось. Мы не считаем, что вмешательство царской власти в выборный процесс было значительным. Напротив, ей была выгодна конкурентная борьба кланов и “партий” за судейские должности, которая разделяла их, обостряла отношения между ними и т. д. Это вполне соответствовало исповедуемому имперскими властями тезису: “Разделяй и властвуй”. Хуже обстояло дело с местной (так называемой “туземной”) администрацией. Волостные управители и аульные старшины были в самой гуще электоратами, они знали все его намерения, они были причастны к определенным родам, племенам и “партиям”, а потому могли реально и в значительной мере влиять на выборный процесс.

⁵ Там же. С. 143.